

Валерий Б. Поздеев

Школьный дневник Петрова-Водкина

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Поздеев

**Школьный дневник
Петрова-Водкина**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Поздеев В. Б.

Школьный дневник Петрова-Водкина / В. Б. Поздеев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Несколько историй о школьнике 5 "Б" класса, происшедших с ним в далеких 1970-х. Если вы родились в СССР, то эта книга для вас, а также ваших детей и внуков. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Смоленск, 1998 год	5
Сердобольск, август 1974 года	7
Сентябрь. Школа	8
Сентябрь. Рисование	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Смоленск, 1998 год

Разбирая после переезда в другую квартиру коробки и чемоданы, я наткнулся на старый коричневый чемодан, хранившийся в нашей семье много лет. Эти чемоданы были популярны лет пятьдесят назад среди военных, возвращающихся в страну из многочисленных военных частей, размещенных в ГДР, Чехословакии, Венгрии и других странах Варшавского договора. Такие чемоданы так и называли – «Прощай, Германия». Сделанный из картона, усиленный деревянными ребрами и металлическим углами, он был внушительного размера и, полностью заполненный, весил, вероятно, не меньше 25 кг.

Одежду в таких чемоданах вряд ли перевозили. Трудно было представить себе обычные для того времени платья в горошек, полосатые брюки, голубые майки и коричневые носки в таких бездонных чемоданах. Это ж сколько туда носков надо положить, чтобы его заполнить. Такой чемодан был скорее вместительницей вещей ценных и фундаментальных, составляющих вместе отличительные черты состоятельного советского быта, присущего только тем семьям военных, чья гарнизонная судьба была достаточно благосклонна, позволив им некоторое время служить и жить за границей Великой Родины.

В такие чемоданы складывались отрезы тонкого английского сукна и немецкого крепдешина; болоньевые итальянские плащи и новомодные кримпленовые платья; румынские мужские рубашки, чешская обувь и болгарская косметика; плюшевые коврики «Три богатыря» и «Утро в сосновом лесу», изготовленные кустарными немецкими мастерскими специально для советских военнослужащих. Но основной объем таких чемоданов был занят чешским хрусталем и немецкой фарфоровой пластикой. Что может быть приятнее глазу, чем искрящиеся в свете хрустальной чешской люстры хрустальные же рюмки, фужеры и салатники, стоящие в немецких и румынских сервантах (мебель переправлялась отдельным багажом), а также фарфоровые фигурки женщин неземной красоты, застывших в жеманных позах, олицетворявших, по мнению художников, представление о допустимой в приличном обществе эротичности. Может это был и кич, но это был высокий кич. Пусть даже и восточно-европейского, но все-таки европейского качества.

Переживший множество переездов за свою долгую жизнь, этот старый коричневый чемодан пролежал последние несколько лет на антресолях и был заполнен, очевидно, уже разным домашним скарбом, который обычно бывает жалко выбросить. Со временем, как водится, все забыли, когда и что было в него спрячено. Наверное, что-то ценное, если это не было выброшено сразу. Что-то, что непременно, как водится, когда-нибудь пригодится в хозяйстве.

В суматохе переезда у меня не было времени даже открыть его и посмотреть, что же там лежит. Я прикинул чемодан на вес – килограммов пять, не больше. И то хорошо, меньше хлама надо будет выбрасывать. Найти там что-то ценное я не рассчитывал. Ключ от замков чемодана давно был утерян, и я надеялся, что чемодан все-же не закрыт на ключ. Мне пришлось провозиться несколько минут, прежде чем поржавевшие замки клацнули и открылись. Я поднял крышку. Первое, что я почувствовал еще до того, как что-то увидел в чемодане, был характерный запах старых вещей. Если вы никогда не задумывались, как пахнет наше прошлое, то могу вам сказать, что оно пахнет дерматином, старой бумагой, нафталином и пылью.

В чемодане оказались подшивка журнала «Крестьянка» за 1973 год, пара офицерских яловых сапог, усохших и скукоженных так, что невозможно было определить их размер, хрестоматия по литературе для учеников 10 класса без обложки, побитый молью отрез офицерского шинельного сукна и школьный дневник с обложкой серо-зеленого цвета, похожий на общую тетрадь. Удивительнее всего было то, что это оказался не мой дневник. На его обложке синими чернилами было написано: «Дневник ученика 5-го «Б» класса Сердобольской школы

Валентина Петрова, 1974/75 учебный год». И другим почерком и цветом к фамилии было написано через дефис «– Водкина». Школьный дневник Петрова-Водкина.

Я учился в Сердобольской школе в это время и хорошо помнил своего одноклассника Вальку Петрова – шустрого белобрысого пацана в вечно съехавшем набок пионерском галстуке. Но как его дневник попал в этот чемодан много лет назад – оставалось загадкой.

Я полистал дневник. Парень, похоже, звезд с неба не хватал. Почерк разборчивый, но торопливый, оценки разные, несколько замечаний красным: «Спал на уроке английского языка», «Забыл сменную обувь на урок физкультуры», «Вылез в окно на уроке математики». И совсем строгое: «Прошу мать зайти в школу». Судя по тому, что подпись Валькиной матери отсутствовала в дневнике, можно было догадаться, что вряд ли она читала эти замечания, а тем более осчастливила школу своим визитом.

Расписание уроков в дневнике выглядело вполне щадящим, похоже, что завуч и учителя чтили счастливое советское детство – четыре урока в день, в четверг пять уроков, в субботу три. Русский язык, литература, математика, биология, география, история, английский язык, рисование, пение, физкультура и сдвоенные уроки труда раз в неделю. Будущий строитель коммунизма должен был быть всесторонне развитым и образованным человеком.

Валька рос без отца. Отец его служил в воинской части, находящейся на окраине города, и погиб в результате пожара на складе. Виновных не нашли, пожар случился из-за короткого замыкания. Командира части перевели с понижением в другой округ, зама по тылу уволили на пенсию. На этом историю и замяли. Когда это случилось, Валька только пошел в первый класс. Валькина мать получала небольшую пенсию по потери кормильца и устроилась на работу в эту же воинскую часть официанткой в офицерскую столовую. Валька обычно прибегал к ней в столовую после уроков, где мать кормила его борщом, котлетами или макаронами – в зависимости от столовского меню. Мужского общения пацану явно недоставало и, пообедав, Валька часто крутился возле военных гаражей – иногда помогал мыть машины, иногда бегал с простыми поручениями позвать кого-нибудь или что-нибудь принести-отнести.

Сердобольск, август 1974 года

Сердобольск выглядел типичным провинциальным городком Центральной России, районным центром с населением в несколько тысяч человек и с обязательным набором промышленных и сельскохозяйственных предприятий и социально-культурных учреждений. Основанный в середине 19 века как сельскохозяйственный и ремесленный городок рядом с мужским православным монастырем, после революции он поглотил бывшее имение князей Розовых-Рогозиных с их подсолнечниковыми полями, вишневыми и яблочными садами и каскадом прудов, вырытым рогозинскими крестьянами в долине небольшой речки с громким названием Раздольная. На территории бывшего имения был образован растениеводческий колхоз «Путь Ленина», а немногие уцелевшие монастырские строения использовались теперь как склады, гаражи и ремонтные мастерские. В бывшем здании трапезной разместилась библиотека, а кирпич из развалин колокольни пошел на строительство Дома Культуры.

Каскад прудов давно обмелел, а после того, как с дамбы, по вине пьяного тракториста, свалился единственный в то время в Сердобольске трактор, на берегу верхнего пруда поставили большую табличку «Запрещается категорически!» Всем было вполне очевидно, что именно запрещала эта табличка – категорически нельзя было напиваться до свинского состояния, ездить в таком виде на тракторе и тем более ездить по дамбе, которая и без того находилась в плачевном состоянии и не разрушилась окончательно до сих пор только потому, что давно заросла ивняком. Трактор, кстати, так и не достали, и его ржавый остов торчал из пруда неммым укором всем последующим поколениям местных трактористов.

Городок располагался на холмистых склонах вокруг верхнего пруда. Хаотично разбросанные разномастные, в основном одно- и двухэтажные дома выходили к нескольким узким извилистым улочкам, заросшим тополями и спускающимся к площади у пруда. Главные улицы с магазинами и учреждениями назывались традиционно Коммунистической, Большой и Малой Советской. Улицы поуже и переулки были названы почему-то в честь писателей – Горького, Пушкина, Чехова, Маяковского, Фадеева. Была даже улица Белинского. Похоже, что человек, причастный к наименованию улиц города, не только хорошо знал школьную программу по литературе, но и любил театр. Площадь, как положено, называлась площадью Ленина.

Вокруг площади располагались здания райкома КПСС и райисполкома, милиция, дом культуры, местная гостиница, которую все называли по привычке «Дом Колхозника», почта и типография, в которой выпускалась районная газета «Ленинский Путь» и печатались этикетки для местной овощебазы. Ретушированные портреты передовиков производства смотрели с Доски Почета на такие же ретушированные портреты Членов Политбюро с противоположных сторон площади. В суровости взглядов и густоте бровей чувствовалась уверенная рука художника типографии. Традиционная фигура Ленина – копия с памятника работы скульптора Кербеля – указывала рукой путь к светлому будущему. На этом пути ниже по течению реки Раздольной находились овощная база, масложиркомбинат, школа, центральная усадьба колхоза с опытным участком и станцией по защите растений, а также воинская часть топографических войск, в столовой которой работала Валькина мать.

Сентябрь. Школа

Сердобольская школа находилась рядом с конторой колхоза. Старое одноэтажное каменное здание, в котором когда-то находилась школа для детей рогозинских крестьян, со временем было перестроено в школьные мастерские. Рядом в 1960-е годы было построено трехэтажное кирпичное типовое здание школы с примыкающим к нему большим корпусом с высокими окнами, в котором располагались школьная столовая, спортзал и библиотека. Тополя, посаженные вокруг школы ее первыми учениками, быстро вымахали до третьего этажа, так, что школьное здание круглый год оставалось в тени. Перед главным входом в школу была небольшая асфальтированная площадка, где обычно проводились праздничные линейки, построения классов перед началом уроков по «военке», – так старшекласники называли уроки начальной военной подготовки, – и репетиции классов на ежегодные смотры строя и песни.

Первое сентября пришлось в этом году на субботу, поэтому уроков в школе не было, но на линейку, посвященную началу нового учебного года, надо было обязательно прийти. Накануне мать, придя с работы, сказала, что звонила Валькина классная руководительница Татьяна Петровна и сказала, что линейка будет в девять и напомнила, что надо получить новые учебники в школьной библиотеке.

– Проводить тебя завтра в школу? – спросила мать.

– Не надо, что я дороги не знаю, – Валька давно считал себя взрослым и старался быть самостоятельным, насколько это было возможно. – Отдохни лучше, выспись, суббота ведь, – Петров знал, что мать много работает и устает.

Мать погладила Вальке брюки, белую рубашку и пионерский галстук, почистила школьную куртку. – Ботинки сам почистишь, не забудь только.

– Ладно, почищу.

Утром Валька встал по будильнику, собрался, тихонько попил чай на кухне, стараясь не греметь посудой, чтобы не разбудить мать, и пошел в школу. На улице было еще было прохладно, но солнце уже пригревало сквозь листья деревьев, давая знать, что день будет жарким.

Возле школы было уже много народу, до начала линейки оставалось минут десять. Из громкоговорителя звучала праздничная музыка. На школьном крыльце была постелена красная дорожка – ожидалось традиционное начальство. «Раз-раз-раз. Раз-два-три», – проверял микрофон завхоз. Директор школы что-то обсуждал с завучем, вокруг стояли несколько учительниц с букетами цветов в руках и внимательно слушали. Девчонки в белых фартуках с бантиками и пацаны стояли отдельными группами, обсуждая новости прошедшего лета.

Петров не особенно любил школу, но ему нравился этот первый школьный день, полный праздничного оживления и суеты. «Хорошо, что сегодня суббота и уроков нет», – подумал он. «Не забыть бы учебники получить в библиотеке». Наконец классные руководители зашикали, что надо всем разобраться по классам, группки девчонок и мальчишек распались, чтобы через минуту собраться в отдельные группы классов, и линейка началась. «Одно и то же каждый год», – Петров быстро потерял интерес к выступающим и стал разглядывать учителей, вспоминая их имена и отчества.

Классной руководительницей в Валькином классе была учительница математики Татьяна Петровна Омельченко. Омега, как ее за глаза звали школьники, любила геометрию больше алгебры, за что имела еще одно прозвище – Биссектриса. Всегда аккуратная, строгая и подбранная, она вполне соответствовала своей внешностью предметам, который она преподавала. Пальцы ее и блузка всегда были испачканы мелом, и даже школьный журнал после ее уроков был припорошен мелом. Она была замужем за учителем физики и астрономии Николаем Евгеньевичем, с которым вместе училась в институте, и у них уже, к удивлению старшекласников, был годовалый сын Андрюшка. И это обстоятельство, что они были женаты и уже имели

ребенка, удивляло не только учеников, но даже и их родителей, настолько строгий образ Омеги не ассоциировался с ролью жены и матери.

Муж математички был родом из карпатского села. Несмотря на законченный столичный пединститут, Николай Евгеньевич говорил с легким украинским акцентом, который, впрочем, мог сойти и за южнорусский. Долговязый, он немного сутулился и был человеком спокойным и рассудительным. А как иначе можно было преподавать физику и астрономию, где все основано на логике, рассуждениях и многое принимается на веру. Николай Евгеньевич и Татьяна Петровна замечательно дополняли друг друга, за что их часто называли за глаза в учительской «Альфа и Омега». У учеников, впрочем, было свое мнение, и старшеклассники звали Николая Евгеньевича между собой не иначе, как Коперник.

Биологию преподавала Людмила Ивановна, Ива. В школе было несколько учительниц по имени Людмила. Фамилий их школьники не помнили, поскольку обычно внимание было сфокусировано на том, чтобы правильно запомнить имя-отчество. Людмила Ивановна – биология – Ива. Это сочетание легко запоминалось и устраивало всех учеников Сердобольской школы, и неважно, что Людмила Ивановна была похожа, скорее не на иву, а на пирамидальный тополь в очках. Людмила Ивановна работала агрономом по защите растений в колхозе «Путь Ленина» и подрабатывала в школе, благо часов биологии хватало на полставки и к тому же было удобно – небольшое здание и опытная делянка станции защиты растений располагались рядом со школой.

Русский язык и литературу преподавала Наталья Григорьевна. Натали, как звали ее за глаза школьники и учителя, несколько лет назад окончила Ленинградский пединститут и была влюблена одновременно в Пушкина, Тургенева и Бунину. Она втайне гордилась, что носит имя жены Пушкина, хотя иногда ей казалось, что она могла бы быть и Татьяной, и Асей, и Полиной. В учительской эту ее любовь к классикам вполне понимали, но не совсем одобряли: «Что она все в облаках парит, вон физрук не женатый ходит, парень видный, непьющий».

Учителей физкультуры в школе было двое – Юрий Николаевич, тот самый не женатый физрук со смешной фамилией Ковун и Белла Александровна Новикова, высокая, сухая, с прямой спиной баскетболистка, строгая, но справедливая. Юрий Николаевич специализировался на гимнастике, лыжах и общей физической подготовке. Белла Александровна была главной по играм.

Учительницу географии звали Ада Васильевна. Она была единственной среди учителей, побывавшей за границей. Не просто побывавшей, а «прослужившей» три года в ГДР вместе со своим мужем, командиром роты, получившем недавно новое назначение в Сердобольск. Ада Васильевна любила щеголять в учительской своим европейским опытом и восточноевропейскими нарядами, а на уроках со значением произносила мудреные географические названия, как будто сама бывала в этих занзибарах и тегусигальпах много раз и точно знает, как там все устроено. Такая эрудиция подкупала, Ада Васильевна нравилась многим ученикам, поэтому дисциплина и успеваемость на уроках географии были на высоте – почти все в классе могли без подсказки показать на карте Гольфстрим и объяснить его влияние на климат Северной Европы.

История у пятиклассников пользовалась не меньшим успехом, чем география. Но если Ада Васильевна могла убедительно произнести: «Фермопилы» и показать их на карте, то Валентина Гордеевна знала даже когда и кем они были разрушены. На ее уроках по истории Древнего Мира звенели мечи и ржали кони, кричали погибающие спартанцы и пахло пылью римских дорог, поднимаемой тысячами центурионов. Армады римских, обитых кованой медью, кораблей штурмовали Александрию, и царица Клеопатра бесстрашно совала руку в мешок со змеями. Александр Македонский разрубал коротким мечом гордиев узел и примерял в последний раз свой золотой шлем. Везувий извергался и погребал под своим раскаленным пеплом спешащих по делам помпейцев и помпеек.

Учитель пения Анатолий Евгеньевич Модин был душой и душкой педагогического коллектива. Любой человек, мало-мальски играющий на каком-то музыкальном инструменте, быстро становится любимцем коллектива, ибо душа, как известно, просит песни, особенно на 7-е Ноября, а также на 1-е и 9-е Мая. Ну а уж «какая свадьба без баяна», это все знают. Педагогический коллектив Сердобольской школы тоже любил попеть на скромных праздничных банкетах в учительской, поэтому по праздникам популярность Анатолия Евгеньевича вырастала до почти эстрадных масштабов. Несмотря на маленький рост, он уверенно обращался с огромным перламутровым аккордеоном. А обширный разнообразный репертуар делал Анатолия Евгеньевича незаменимым музыкантом не только в школе, но и в городе – он часто выступал на официальных мероприятиях в Доме Культуры и не чурался приглашений на свадьбы.

Английский преподавала Людмила Николаевна Примакова. Молодая, веселая, подтянутая и энергичная, со стальным характером и простой прической–хвостиком, она любила строгие, но элегантные наряды и носила твидовый костюм зимой, и шляпку и пальто осенью. Она была не замужем, держалась свободно и независимо, и эта ее подчеркнутая независимость вызывала скрытую ревность и осуждение у многих родительниц и плохо скрываемое восхищение у родителей. Нерастраченную энергию Людмила Николаевна направляла на общественную работу – собирала комсомольские членские взносы у молодых учителей и заседала на собраниях в райкоме комсомола.

Учителя рисования звали Николай Вахтангович. Родом из небольшого кахетинского села, он служил когда-то в местной воинской части, влюбился в здешнюю девчонку – оператора переговорного пункта, женился на ней, да так и осел в Сердобольске. За десяток лет, прошедших после армии, Николай Вахтангович обрусел. Говорил он по-русски почти без акцента, но все время скучал по родине, и часто рисовал для души грузинские ландшафты и натюрморты из южных фруктов и блюд грузинской кухни...

Минут через сорок линейка закончилась.

– Привет, Петров, – Валькины наблюдения и размышления прервала его соседка по парте Семькина.

– О, Семькина, привет, у тебя новая прическа? – отозвался Валька.

– Да, называется «сассун», как у Мирей Матье, нравится?

– Не знаю, странная какая-то. Мне как-то косички больше нравятся, дергать удобно, опять же. А за эту «Матье» даже и не ухватишься, – попытался съязвить Петров.

– Дурак ты, ничего не понимаешь, – обиделась Семькина.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Петров, – Я просто не привык еще.

На самом деле ему понравилась новая Светкина прическа. Они сидели с Семькиной за одной партией с первого класса; за несколько школьных лет он привык к ней как к сестре, и оказался не готов к неожиданным кардинальным изменениям в ее облике.

– Учебники получила уже? – спросил Петров.

– Да еще на прошлой неделе. А ты?

– Еще нет. Надо зайти в библиотеку сейчас.

– Ты всегда тянешь до последнего, – засмеялась Семькина. – Лентяй.

– И ничего я не тяну, это я выдержку тренирую, – хотел было обидеться Петров, но передумал.

– Ладно, пока, до понедельника. Я побежала.

– Пока.

«Хорошо, что сегодня суббота и нет уроков», – опять подумал Петров и пошел получать учебники.

Сентябрь. Рисование

Учителем рисования Николай Вахтангович Абашидзе стал почти случайно. В армии после курса молодого бойца молодых солдат распределяли по специальностям и приписывали ко всяким службам в части. На построении замполит спрашивал, кто что умеет делать, у кого есть какой опыт. Когда до него дошла очередь, Николай Вахтангович неожиданно вспомнил, что рисовал в школе портреты Ленина, Маркса и Энгельса по квадратам. Технология была нехитрая – берешь портрет из Огонька, расчерчиваешь его на квадраты, потом чертишь сетку из больших квадратов на холсте или ватмане и переносишь изображение на плакат, ориентируясь по квадратам. Конечно, плакатная копия несколько отличалась от оригинала из Огонька. Но портреты классиков марксизма-ленинизма висели везде и были настолько узнаваемы, что некоторая брутальная схематичность их образов даже придавала какую-то оригинальность. К тому же эти самодельные портреты проходили обязательную партийную цензуру, поэтому ответственность за качество полностью ложилась на цензоров.

И когда рядовой Абашидзе сказал, что он может рисовать портреты Ленина, Маркса и Энгельса, он нисколько не лукавил. Замполита от волнения прошиб пот. Сняв фуражку, вытерев носовым платком лысину и тщательно протерев изнанку фуражки, он сказал: «Пойдешь начальником клуба». И все два года службы, с перерывом на 10-дневный (не считая дороги) отпуск на солнечную родину, Николай Вахтангович рисовал портреты классиков марксизма-ленинизма, оформлял Ленинскую комнату и классы для занятий, писал лозунги и рисовал плакаты к праздникам и приезду начальства, а по вечерам печатал на казенном фотоувеличителе фотографии для дембельских альбомов и записывал на бобинном магнитофоне «Комета» популярную музыку советских композиторов с пластинок и «говорящие письма» для дембелей. Деятельность эта даже приносила некоторый доход, во всяком случае пригласить девушку в кафе во время увольнения было на что.

После демобилизации Николай Вахтангович нашел применение своим талантам в Сердобольской школе на должности завхоза с половиной ставки учителя рисования. Для работы на полной ставке учителя нужен был диплом о высшем образовании и Николай Вахтангович, быстро сориентировавшись, поступил на заочное отделение художественно-графического факультета Смоленского пединститута. Тогда уже к его портфолио с портретами классиков марксизма-ленинизма добавились Кавказские горы и ущелья, а также натюрморты в голландском стиле из южных фруктов, утвари и блюд кавказской кухни.

– Сегодня будем рисовать лошадь, – сказал Николай Вахтангович и поставил на стол небольшую фаянсовую скульптуру лошади, встающей на дыбы.

– А что она такая маленькая? – спросила соседка Петрова Семькина.

– И без хвоста, – добавила Ковалева со второй парты. Хвоста у лошади действительно не было.

– А что вам хвост? Хвоста никогда не видели? Вон, в вашем классе половина девчонок хвостики носит, вот, посмотрите и представьте. Хвост был утрачен в ходе ремонта кабинета, – прервал не успевшую зародиться дискуссию Николай Вахтангович.

Лошадей Валька не то, чтобы не любил, скорее относился к ним с опаской. Мать рассказывала, что Валькин дед по отцовской линии был конюхом и умер незадолго до Валькиного рождения после того, как лошадь неожиданно лягнула его в грудь. Отшибла все внутри и дед, промучившись несколько дней, помер от внутреннего кровотечения. Этот рассказ матери, конечно, особенной любви к лошадям привить не мог.

Разглядывая недавно фотографии в семейном альбоме, Валька наткнулся на фотографию с похорон деда. На снимке несколько людей, в числе которых был его отец, стояли вокруг гроба во дворе какого-то дома. Заплаканные тетеньки в черных платках, отрешенный вид

отца, кукольное лицо покойника с какой-то бумажкой на лбу, белая изнанка гроба, украшенная бумажными цветами, производили странное тягостное впечатление, как будто этот двор с поленницей и забором, и гроб с покойником, и люди вокруг него, – все это было нечто искусственное, бутафорское, постановочное, как в кино про войну, где стреляют холостыми и картинно падают и умирают, чтобы снова ожить на следующем сеансе. Других фотографий деда не сохранилось, и Валька не мог представить, как дед с таким кукольным лицом обращался с лошадьми, как запрягал их в повозку, или поил их и кормил.

Машин в Сердобольске было мало и лошадей использовали часто, особенно когда надо было подвести-увести что-нибудь не очень тяжелое. Продукты в школу и детский сад, газеты из типографии по киоскам и магазинам, почту в различные организации – все это развозилось лошадьми на различных повозках и телегах, а зимой на саниах. Из всех повозок особенно выделялась обитая блестящей жестью будка для хлеба, запряженная маленькой каурой лошадкой. Будка эта курсировала ежедневно между пекарней, продуктовыми магазинами, школой и детским садом, оставляя за собой шлейф густого хлебного запаха. Валька любил запах этой будки особенно осенью, когда летние запахи уже померкли и запах свежее испеченного хлеба от уже исчезнувшей в переулках будки, долго держался в уже остывшем, но еще не морозном воздухе.

Валька подумал, что лошади большие трудяги и заслуживают уважения, ну а что дед погиб из-за лошади, так это издержки опасной профессии. Как у летчика или моряка, с каждым может случиться. «Буду рисовать масштабно, с размахом», – подумал он, – «Тоже мне, скульптурка малюсенькая, разве там понятно что-нибудь». В технике рисования учитель никого не ограничивал, главное, чтобы было похоже. И через некоторое время класс сосредоточенно засопел. Николай Вахтангович ходил по рядам, смотрел, изредка подсказывая и комментируя.

– Петров, а что это такое ты изображаешь, – остановился он рядом с Валькой.

– Лошадь, а что ж еще, – с легкой обидой в голосе откликнулся Петров. Обидно, конечно, когда твою работу не ценят.

– А где же тут лошадь, Петров? Треугольник какой-то волосатый. Ты можешь подойти к скульптуре, посмотреть внимательно.

– Что я лошадей не видел, – еще больше обиделся Петров. – Я решил лошадь рисовать настоящую, не то, что эта ваша – малюсенькая и без хвоста. И вообще, у меня дед конюхом был.

– Что-то я на твоём рисунке лошадь не найду, – все еще пытался понять Николай Вахтангович.

– Ну как-же, это лошадиное ухо. Листок маленький, только одно ухо вместились. Потом еще одно ухо, глаз, гриву нарисую, ноги, копыта, хвост – у меня тут еще листов десять в блокноте. А потом соединю вместе и будет настоящая лошадь.

– Так ты что, в натуральную величину лошадь рисуешь? – сообразил наконец Николай Вахтангович.

– Ну конечно, я же говорю, настоящую лошадь рисую, – слегка раздраженно ответил Петров. – Что тут непонятного?

Все перестали рисовать и заинтересованно прислушивались к диалогу.

– Ну ты гигант, – удивился идее Петрова Николай Вахтангович, – просто Петров-Водкин.

Ха-ха-ха, отозвался смехом класс. – Рюмкин-Склянкин! Водкин-Закускин! – соревновались в прозвищах остряки.

– Так, хватит ржать, – прервал это веселье Николай Вахтангович. – Ржете как кони, – добавил он, что вызвало очередной приступ веселья. Несмотря на то, что Николай Вахтангович долгое время жил в России, русский язык не был для него родным. И в речи он порой употреблял слова, вряд ли очень уместные в классе. Но школьников это скорее забавляло, чем обижало.

– Кузьма Петров-Водкин был известным русским советским художником. Великим, не побоюсь этого слова. Сейчас я вам покажу, – Николай Вахтангович покопался в ящике своего стола и достал папку с репродукциями из Огонька. – Смотрите, как надо рисовать лошадь.

На картине мальчишки купали лошадей. Огромный красный конь бил копытом и косил глазом на своего седока, словно сопротивляясь спокойной и твердой воле наездника. Класс притих, картина явно произвела впечатление.

– А почему конь красный, таких ведь не бывает, – спросил кто-то.

– Это на закате, вечером. Вы же видели, наверное, как на закате солнце ненадолго все окрашивает в красный цвет, вот этот момент как-раз художник и постарался захватить, – объяснил Николай Вахтангович.

– Пацаны голые, – хихикнул кто-то из девчонок.

– Они же в речке с лошадьми. Моют их, купают. А одежду сняли, чтобы не замочить, – Николай Вахтангович старался быть логичным.

Учитель рассказал о Петрове-Водкине, показал другие его репродукции. Класс слушал, затаив дыхание. И Петров вдруг проникся гордостью за свою простую фамилию, ощущая какую-то почти родственную причастность к талантливому русскому художнику. Все в классе теперь поглядывали на него с уважением, а соседка Семькина своей шариковой ручкой приписала к его фамилии на обложке дневника «-Водкина». Получилось – дневник Петрова-Водкина.

Неожиданно прозвенел звонок.

– Закончите рисунок дома, принесёте к следующему уроку, – сказал учитель, заканчивая урок.

– Как же мы закончим рисунок дома, нам же скульптура эта нужна, – удивленно спросила Ковалева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.